
Философия, социология и культурология

УДК 130.2:32

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАУКИ

Ан.А. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Исследуются основания формирования моделей историко-культурной реконструкции науки. Анализируется потенциал категориального ряда микросоциологических исследований науки. Исследуется понятие «внутренняя социальность науки», раскрывается роль дебатов и разногласий в развитии научного знания.

Ключевые слова:

Консенсус, диссенсус, контекст, внутренняя социальность, интерпретация, модели диссенсуса.

Key words:

Consensus, dissensus, context, internal sociality, interpretation, models of dissensus.

В 70–80-е гг. XX в. в социологии науки «Новой волны» обозначилась микросоциологическая исследовательская программа, в границах которой был ослаблен демаркационный рубеж между содержанием научного знания и социальными отношениями того научного сообщества, которое это знание производит; в социологические исследования стала проникать как проблематика философии науки, так и проблематика логики науки. Уже К. Кнорр-Цетина, Х. Штразер и Х.-Г. Цилиан анализируют научную теорию как продукт интеллектуальной деятельности, в сути которого обнаруживает себя «печать ситуационной случайности»; в научном знании находят отражение отношения и интересы, формирующиеся в научном сообществе. И лишь процесс конструирования научного знания позволяет понять содержание результата, заключённого в научной теории. Сделав одной из центральных проблем реконструкции контекста в науке, аналитики «Новой волны» обратились к возможностям категориального ряда микросоциологических исследований, дополнив его категориями «ситуация» и «контекст».

Как считает К. Кнорр-Цетина, в интерпретации содержания научной теории огромна роль той реконструкции составляющих контекста, которую совершает аналитик: он деконтекстуализирует знание, изучая лабораторный процесс рождения зна-

ния [1]. При этом наблюдается погружение научных методов в социальное действие по производству знания. Гносеологическая же проблематика не существует вне пространства лаборатории. Авторы, работающие в границах исследовательских программ «Новой волны», ввели понятие «внутренняя социальность», социальность научного сообщества, включив в это понятие достаточно широкий спектр взаимодействий: начальник–подчиненный, менеджер, финансист, исследователь. В этой системе взаимодействий исследуются этические нормы деятельности, мотивация деятельности учёного и её цели. Однако специфика заключена в том, что в этой целостности отношений любой из занимающих строгую позицию в дискуссии персонифицирует вполне определённую форму интерпретации теории – парадигмы.

Объявив дебаты и разногласия тем, что определяет естественное состояние науки, аналитики «Новой волны» предложили объяснительные механизмы, в пределах которых может быть интерпретирована гносеологическая природа диссенсуса в науке, раскрываемая в так называемых моделях диссенсуса. Ранее о дискуссии как об одной из моделей диссенсуса писал Т. Кун, полагавший, что модель консенсуса не дает оснований для интерпретации всех разногласий в науке, где дебаты длятся десятилетиями и веками (Коперник–Птоле-

мей, волновая-корпускулярная теории света, ньютоnianство versus картезианство в механике, униформизм versus катастрофизм в геологии, Пристли versus Лавуазье в химии и т. д.). Появление теории связано с решением. Именно это решение, как полагал Т. Кун, допускает разногласие: разногласие в ценностях и предпочтениях — основа для появления теории. Подняв вопрос о дополнении модели консенсуса, Т. Кун полагал, что конкурирующие теории радикально несоизмеримы. Этим обусловлена невозможность общения друг с другом для тех, кто их представляет. Т. Кун для обозначения подобного явления вводит понятие межпарадигмальных разногласий. Это один из периодов научной революции, для которого характерны «хронически незавершенные» парадигмы, находящиеся в отношениях конкуренции. Чем обусловлена эта незавершенность? Прежде всего, несоизмеримостью парадигм. Два тезиса и являются у Т. Куна тем основанием, которое определяет модель диссенсуса: тезис о несоизмеримости (разногласия) и тезис о поддержании согласия (что характерно для нормальной науки).

Переход от «нормальной» науки к «кризисной» затруднен, по мнению Т. Куна, различием методологических стандартов, различием познавательных ценностей, используемых в дебатах. Именно приверженностью различным методологическим стандартам Т. Кун и обосновывает невозможность или неполноту диалога в проблемном поле противостоящих парадигм; сам же диссенсус для научного сообщества — та характеристика, которая постоянно сопровождает жизнь сообщества в науке [2]. Гносеологическая природа диссенсуса в науке объяснима также посредством принципа неопределенности теории: критерии выбора теории достаточно неопределенны, теорию нельзя принять или опровергнуть, исходя лишь из эмпирических данных (тезис Дюгема—Куайна); правилам индуктивного и дедуктивного выводов можно следовать способами, которые могут быть несовместимыми (тезис Витгенштейна—Гудмена), и эта несовместимость подчас носит радикальный характер. Определенный тип диссенсуса, по мнению Я. Митрофа и П. Фейерабенда, вызывает к жизни так называемый «контрнормальное поведение»: пренебрегая эмпирическими свидетельствами, ученый ориентируется на исследовательские программы контриндуктивистского толка, что может завершиться «методологическим неблагополучием» (Я. Митрофф), «методологическим анархизмом» (П. Фейерабэнд). Что же касается консенсуса в науке, то тем, применительно к чему достигается согласие, является парадигма. Среди таких разновидностей научной жизни, как наука «нормальная» и наука «революционная», именно в «нормальной» науке доминирует согласие, это уникальное явление науки, и механизм этой уникальности не был раскрыт ни Т. Куном, ни И. Лакатосом, ни П. Фейерабэндом, объявившим идеалом науки «бесконечное вопрошание об основах».

Среди ряда моделей историко-культурной реконструкции науки особое место занимает прогрессистская модель, иначе называемая кумулятивистской, модель, ориентированная на концепт «научная революция», а также модель «case-studies», получившая название «ситуационные исследования науки». Именно исследовательская программа «case-studies» исходит из тезиса о том, что открытие должно быть реконструировано в целостности, что открытие неповторимо, что открытие, наконец, невозможно воспроизвести в другой ситуации. Задача социолога науки заключена в том, чтобы воспроизвести исследовательскую неповторимость, показать конкретный характер открытия, раскрыть специфику научной практики, проанализировать эпизоды дискуссии, экспериментальных процедур, а также процедур интерпретации. Социолога, как считает Т. Пинч, историк и социолог науки из Великобритании, прежде всего интересует контекст обоснования наблюдений. Эту установку Т. Пинч применяет, анализируя солнечные нейтрино и процесс измерения сплюснутости Солнца [3]. Отметим, что и кумулятивистов, и представителей ситуационных исследований отличает пристальный интерес к эмпирическим свидетельствам; однако если цель этого интереса у кумулятивистов заключена в вычлениении общих характеристик, общих для общей истории науки, то аналитики, работающие в парадигме «case-studies», говорят о такой характеристике истории науки, как многособытийность, ищут в открытии уникальное, акцентируя внимание на частной стороне открытия, выявляя всеобщее через неповторимое, выявляя всеобщее в частном. Л.А. Маркова в работе «Конец века — конец науки?» образно пишет о характере историко-культурной реконструкции эволюции науки в «case-studies»: площадь с холмами и пиками — научные открытия различной значимости. В отличие от линейной модели развития науки, где эволюция лишена разрывов и состоит из точек-фактов, ситуационные исследования науки рисуют плоскость, её поверхность покрыта силовыми линиями-обобщениями [4. С. 46]. Именно в «case-studies» воплощен способ выражения всеобщего через индивидуальное, способ, блестяще применённый К. Марксом в статье «18 брюмера Луи Бонапарта», где К. Маркс анализирует период французской истории на примере одного дня.

Выше отмечалось, что в кумулятивистском и в ситуационном исследовании исходным элементом анализа является факт. Вместе с тем роль факта в обозначенных типах исследования различна. Как отмечает Л.А. Маркова, «... в кумулятивистском исследовании в результате исторической реконструкции факто утрачивает индивидуальные особенности, включаясь в общий ряд развития. Отсюда частое состояние дискомфорта: историк имеет дело или с голыми фактами, при этом остаётся непонятным, какое значение имеет их констатация для понимания истории вообще, или же он выводит из них общие закономерности, тогда исчезает

историческая действительность как таковая, история превращается в логику. В ситуационных исследованиях исторический факт как событие стоит в начале исследования и в конце, действительность как предмет изучения сохраняется в конечном результате; в то же время ... ситуационные исследования заключают в себе возможность и всеобщих выводов внутри анализа события как индивидуального и особенного» (разрядка Ан. Корниенко) [4. С.70]. Автор полагает, что в «case-studies» часто вместо термина «факт» употребляются такие слова, как «ситуация», «эпизод», «событие». Особенно подходящим кажется понятие «событие», здесь уже заключен новый смысл отношения к прошлому: событие как со-бытие, совместное бытие всех составляющих, всех сторон какого-то исторического эпизода, факта [4. С.70]. Л.А. Маркова видит особое значение «case-studies» в ряде моментов: *во-первых*, индивидуальный случай наблюдения можно связать с интересами и ресурсами других групп ученых, включенных в научную практику; *во-вторых*, появляется возможность «втянуть» в отдельное событие, локализованное во времени и пространстве, прошлое и будущее этого события. По сути дела, предлагается концептуальная основа для того, чтобы придать всеобщее значение индивидуальному событию [4. С. 62].

В качестве особо методически значимых автор называет следующие особенности ситуационных исследований [4. С. 62–63]:

- Эти исследования сосредоточены **не на готовом факте как результате научных открытий**, но на самом событии как **на неповторимой целостности, содержащей в себе признаки переломных моментов** в истории науки. Такие события являются комбинацией разных направлений историко-научного поиска: таких, как анализ процесса творчества, социальных условий, соотношения общесоциального и собственно научного сообщества, структуры научного знания. В ситуационных исследованиях сочетается синтетичность, универсальность и локальность, обозримая предметность анализируемого события.
- Неправильно представлять «case-studies» лишь как реконструкцию творческих актов, которые объясняют предысторию научного текста. В большинстве случаев имеются в виду именно тексты, причем достаточно конкретные и рассмотренные с точки зрения воспроизводства в данных текстах общезначимой ситуации.
- Особо значимой для «case-studies» является и возможность охарактеризовать их как точку, в которой сведены воедино предшествующие события и последующие, хотя предмет изучения характеризует настоящее науки.
- В ситуационных исследованиях событие малое по объему рассматривается как целое и уникальное: изучаются локализованные события (текст как таковой, материалы научной конференции, научное открытие как результат деятельности конкретного научного коллектива, научный диспут).
- Обычные понятия историографии науки (например, критерии научности, социальность науки, континуальность и дискретность, конкретное и всеобщее, индивидуальное творчество и готовая научная теория, внешняя причинность и самодетерминация, научное сообщество и его продукция) трансформируются внутри ситуационных исследований.
- То, что наука включается в контекст культуры, является характерным для ситуационных исследований. Как считает автор, это включение и позволяет трансформировать понятия, которые типичны для исторической реконструкции. Как правило, наиболее развитыми и характерными для современной социологии науки являются ситуационные исследования следующих типов: в одном случае это исследования, которые касаются бифуркационных точек, применительно к которым можно говорить о трансформации стиля мышления (диалоги Галилея, те первые работы Эйнштейна, в которых содержались идеи относительно зарождающейся квантовой механики); в другом случае речь идет о таких открытиях, в которых синтезированы наиболее свойственные стилю мышления данной культуры черты.

К числу социально-конструктивистских моделей развития науки с полным правом может быть отнесен и «дискурс-анализ» (англ. Discourse — речь, рассуждение, лекция). Речь идет об изучении разнообразных форм дискурса, благодаря которым аналитики выражают свои суждения. Разнообразные формы выражения суждений аналитиков лежат в основании построения интерпретационного контекста воспроизводства научной истины. Подобный метод описания интерпретационного контекста опирается на «эмпирический» (на основе стандартной концепции науки) и «условный» (на основе изучения суждений ученых, проявивших себя в различных случаях неформального общения) — «базисные репертуары».

Сам дискурсный процесс — это принятые в научном сообществе формы выражения суждений ученых, что включает в себя интервью, публикации, сообщения, беседы, изобразительные средства и т. п.). М. Малкей, Дж. Гилберт, Ф. Бартон, П. Карлен, М. Коулгард, Д. Брэзил развивают различные направления дискурсного анализа и исходят из того, что социальный мир науки чрезвычайно многосторонен, и, следовательно, есть необходимость изучить на эмпирическом основании методы, посредством которых складывается коллегиальное мнение ученых о предмете научного исследования: «в этой разногласии можно выявить определенные интерпретационные правила, если только найти должный аналитический подход» [5. С. 192]. В едином пространстве обозначенных выше «базисных репертуаров» для формирования социологических моделей развития науки необходимо изучение типов интерпретации в диапазонах

эмпирического и условного репертуаров интерпретации. Существуют воспроизводимые формы интерпретации, — их можно выявить, описать и документально подтвердить. Разрабатывая методологию дискурс-анализа, М. Малкей и Дж. Гилберт стремятся интерпретировать сферу его применения, что важно после завершения микросоциологических исследований процесса развития науки конкретной предметной области.

М. Малкей и Дж. Гилберт используют конструкт «когнитивный консенсус», когда пишут о наличии коллективного согласия по поводу научных положений и выводов, что позволяет избежать абсолютизации обусловленных контекстом частных интерпретаций. В определении гносеологических возможностей когнитивного контекста «... внимание исследователей должно быть направлено на те увязанные с контекстом методы, посредством которых участники создают коллективные мнения и наличии либо отсутствию консенсуса» [6. С. 212], что, по мнению М. Малкея и Дж. Гилберта, создает предпосылки для качественно нового интерпретационного анализа «коллективного мнения в науке».

Ранее мы отмечали [7. С. 135], что метод дискурс-анализа обычно применим к историко-научному материалу, представляющему собой обзор сделанного ранее, позволяющего понять обстоятельства становления и утверждения когнитивных структур нового научного знания в конкретном социокультурном контексте. И достаточно важно учи-

тывать, что действующие лица с течением времени заново интерпретируют то же самое под влиянием изменяющихся обстоятельств. Конечная же цель методолога должна состоять не в том, чтобы реконструировать уже свершившееся по информации, предоставляемой учеными, а в том, чтобы выявить модели взглядов и суждений, которым следуют ученые, а также в том, чтобы изучить феномен коллективности в науке, проявляющий себя в процессе поиска завершающей версии их коллективного мнения.

Социологи, изучающие процесс формирования суждений, выявляют используемые в практике исследовательского сообщества коллективные культурные ресурсы — они повторяются регулярно. Дискурсные формы включают в себя как вербальные формы, так и различный изобразительный материал (таблицы, графики, рисунки, диаграммы, фотографии, электронные изобразительные формы и т. п.). Социологов интересуют также и формальные характеристики рисунков ученых (связь с научными концепциями, интерпретационная вариабельность, взаимозависимость визуальных и вербальных текстов, контекстная вариабельность, неявность смыслового содержания). В целом можно утверждать, что дискурсный анализ нужен для того, чтобы понять феномен коллективности через восприятие открытия научным сообществом, выявить доминирующий вектор научного направления, а также взглянуть на научное сообщество как на многомерную реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Knorr K., Strasser H., Zilian H.G. Determinants and Controls of Scientific Development. — Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1975. — 459 p.
2. Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1975. — 256 с.
3. Pinch T.J. What Does a Proof Do if It Does not Prove? / Ed. E. Mendelsohn, P. Weingart, R. Whitley // In The Social Production of Scientific Knowledge. — Dordrecht: Reidel, 1977. — P. 171–215.
4. Маркова Л.А. Конец века — конец науки? — М.: Наука, 1992. — 133 с.
5. Малкей М. Наука и социология знания. — М.: Наука, 1983. — 252 с.
6. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры (социологический анализ высказываний ученых). — М.: Наука, 1987. — 224 с.
7. Корниенко Ан.А., Корниенко А.А. Социокультурная обусловленность и метафоричность научного знания // Известия Томского политехнического университета. — 2011. — Т. 319. — № 6. — С.134–137.

Поступила 29.10.2012 г.